

А.А. Смирнов

Баллады Жуковского

Жуковский утвердил жанр баллады в русской поэзии. Он познакомил читателей с самыми выдающимися образцами этого жанра в европейской литературе: «Кубок», «Рыцарь Тогенбург», «Ивиковы журавли», «Кассандра» Шиллера, «Лесной царь» Гёте, «Замок Смальгольм» В. Скотта, «Суд божий над епископом» Саути, «Роланд оруженосец» Уланда и др. Одновременно он создал в «Людмиле», «Светлане» национальную форму баллады. В ходе полемики о сущности нового жанра, в которой участвовали Гнедич и Грибоедов, имя Жуковского стояло в центре литературных споров.

Образ Жуковского-«балладника» известен нам по портрету О. Кипренского, где он изображен на фоне таинственного пейзажа, столь частого в его балладах: башни, замки, рвы, холмы, туманная даль, а в центре находится задумчивый мечтатель, устремляющий свой взор ввысь.

В основе эстетики баллады лежит представление об ужасном событии в судьбе человека, оно реализуется у романтиков в образах привидений, мертвецов, которые оживают в гробах; мертвых женихов, скачущих ночью на коне за невестой; сатаны, являющегося за душой грешника; злодеев, продавших душу ребенка дьяволу. Действие происходит в особой полуфантастической обстановке: кладбище, разверстые могилы, каркающие вороны, багровая луна, освещающая пляшущих духов или скелеты, ночной лес, горящие деревья.

Поэтика фантастического и ужасного, атмосфера тайны, нарочито запутанные проблемы романтической этики (справедливость, возмездие, самопожертвование, верность долгу, любовь и бескорыстие) — основные слагаемые нового художественного мира, открывшегося русскому читателю в балладах Жуковского.

Жизнь как постоянное противостояние судьбе, как поединок человека и обстоятельств, которые одерживают верх над ним, трагическая обреченность человека, наличие неподвластной человеку силы рока — такова этико-философская проблематика баллад.

Основа балладного сюжета заключена в преодолении человеком преграды между посясторонним и потусторонним миром.

Жуковский погружается в сферу народных легенд и суеверий в том виде, в каком они представляли в сознании людей начала XIX века. Формой обращения поэтов-профессионалов к образам и сюжетам, почерпнутым из фольклора, также становится и баллада.

«Светлана» — оригинальная баллада, косвенно связанная с серией европейских и русских подражаний «Леноре» Бюргера, поскольку сюжеты имеют сходную смысловую основу. Светлана тоже грустит из-за длительной разлуки с женихом, а в полночь гадает о судьбе своего возлюбленного, хочет узнать, как скоро он вернется к ней. В состоянии полудремы ей кажется, что к ней приезжает жених и увозит с собой. Затем они едут по заснеженной степи, а когда проезжают мимо церкви, то героиня замечает, что там идет отпевание. Наконец жених привозит ее в уединенную хижину, войдя в которую, она видит гроб, из которого подымается ее жених-мертвец. Неожиданно появившийся «белый голубочек» защищает Светлану от мертвеца. А затем все ужасы исчезают и как бы отменяются в своей действительности неожиданным пробуждением героини: она заснула во время гадания, все страхи оказались сном, а в яви жених является к ней живым и невредимым, и счастье встречи любящих становится сюжетной концовкой баллады.

Структура данной баллады отражает двойственность художественного метода этого жанра. Вначале «Светлана» исполнена романтического пафоса тайны и чуда, и поэт тонко

передает восторженное и одновременно робкое состояние чувств молодой души, влекомой сладким страхом к неожиданным ночным событиям:

Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
 Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонек,
Крикнул жалобно сверчок,
 Вестник полуночи.

В кульминационный момент автор нарушает изначально заданный национальный колорит, воссоздавая типично сентименталистскую ситуацию: «белоснежный голубок», преисполненный исключительной чувствительности по отношению к девушке, смело спасает ее от страшного скрежещущего зубами мертвеца. Стоит голубку обнять ее крылами, как она просыпается и возвращается к исходной реальности. Подобная концовка чрезвычайно идеализирует ситуацию, так как получается, что наяву всем сопутствует счастье, а несчастья возможны лишь во сне. Эта идеализация подкрепляется дидактическим итогом:

Лучший друг нам в жизни сей
 Вера в Провиденье.
Благ зиждителя закон:
Здесь несчастье — лживый сон:
 Счастье — пробужденье.

В противоположность Людмиле, героине одноименной баллады, написанной ранее, которая «жизнь кляла» и «Творца на суд звала», Светлана молит ангела-утешителя утолить ее печаль, и ее просьбы моментально услышаны. Противоречат исходной балладной традиции отказ от фантастики, одновременно шутивная и счастливая концовка, введение реальных мотивировок. Поэт снял с происшествия мрачный оттенок — случайный сон временно омрачил героиню, — и трагичность (потенциальная!) осталась нереализованной. В балладе «Людмила» Жуковский проводит идею смирения более последовательно. В ней нет сказочной успокоенности и внешней фантастики богатырских поэм. Оба героя становятся игрушками в руках таинственных и беспощадных сил: невеста ждет возвращения с войны жениха, однако после возвращения войска обнаруживает, что его нет, и она в отчаянии ропщет на судьбу. Тогда ночью перед ней появляется призрак жениха и увозит ее с собой в могилу. Любые нравственные нормы, известные человеку, в мире подлинно романтической баллады утрачивают свою действенность перед ликом неведомого и непознаваемого. В балладе «Людмила» нет обещания торжества справедливости, как это было свойственно фольклору и просветительской литературе XVIII века. Протест Людмилы вызывает усугубление кары, человек становится рабом судьбы, которой он должен смиренно подчиниться. О том, что человек бессилен в мире небытия, говорит концовка:

Вдруг усопшие толпою
Потянулись из могил;
Тихий, страшный хор завыл:
«Смертный ропот безрассуден;
Царь всевышний правосуден;
Твой услышал стон творец;
Час твой бил, настал конец».

Однако романтичность баллады «Людмила» реализуется не в этом моралистическом постулате о «безрассудности ропота смертных», а в ходе фантастического сюжета: неожиданный приезд жениха, вереница видений, сопровождающих их в пути, таинственные огни, вспыхивающие в поле, бой часов в полночь. Расширение границ обыденного, тяга к неизведанному — вот главные составляющие романтического взгляда на мир, осуществленные в этой балладе, само же нарушение кем-либо человеческих и божеских

ских законов не содержит в себе ничего романтического, как и появление потустороннего гостя и проявление знаков, которые подает провидение.

Баллады Жуковского открыли романтическое течение в русской литературе, создали оригинальную жанровую традицию: фантастически напряженный ход событий, драматизированный сюжет, моралистический итог, откровенная условность авторской позиции. После Жуковского в русской поэзии легендарность историко-героического сюжета стала необходимым условием балладного жанра.